

Инна ЧУРИКОВА:

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

Свои лучшие экранные роли Инна Чурикова сыграла в фильмах Глеба Панфилова: Таня Теткина, Паша Строганова, Елизавета Уварова, Саша Николаева, Анна, и, наконец, Васса в удостоенной золотой награды Московского фестиваля экранизации Горького — все эти образы складываются в галерею характеров русских женщин, нежных и сильных, богатых душой, твердых характером. Ну, а помимо того немало прекрасных образов создано актрисой на сцене Театра имени Ленинского комсомола, а в последнее время — и в фильмах других режиссеров. Об этих последних работах актрисы в кино и на сцене и шел наш разговор.

— Как возник замысел экранизации «Вассы»? Кому первому — вам или Панфилову — пришла идея этой постановки?

— Нет, это был не мой замысел, это не то, с чем я жила в мечтах. Есть образы, к которым сразу прирастаешь душой. А здесь был, так сказать, волевой процесс. Должно было пройти какое-то время, прежде чем я почувствовала, что этот образ задает меня за сердце, что это моя роль...

— Каким же образом режиссер приближал вас к ней?

— Однажды он вдруг рассказал мне, как Васса умирает. Потом еще какую-то из сцен, рождавшихся в его голове. Он не пытался объяснить мне словами

И. Чурикова в фильме «Васса»

концепцию — Глеб знает, что все это осталось бы для меня умозрительным. А вот, когда он дал мне представить ее смерть, я почувствовала, что реву. Родилось ощущение какой-то огромной жалости к Вассе. Что-то в душе открылось ей навстречу.

Или в другой раз он поставил на проигрыватель романс, который будет слушать Васса. Это дало толчок фантазии, я поняла, что на ее письменном столе обя-

ИНТЕРВЬЮ

зательно должен быть портрет Блока, что она любит одеваться по моде, любит гулять с внуком по магазинам... Захотелось жить в этом мире, фантазировать.

Поначалу мне хотелось идти от своей природы, находить черты Вассы в себе самой. Ну, а потом я ощутила, что мы с ней слишком разной породы, мы несоместимы. Мне приходилось как бы отторгать от себя какие-то части своей души, перерождаться заново. Процесс этот был очень болезнен, мучителен. Я чувствовала, как во мне рождается другой человек, очень неродной, неблизкий мне. Ну, скажем, не могу читать чужие письма, не могу подглядывать — мне это просто физически противно. Но, с другой стороны, я приходила к пониманию того, что Васса не может поступать иначе, у нее нет иного выбора. С волками жить — по-волчьи выть. В эти законы она уверовала.

Я не отношу достоинства роли к своей игре — это достоинства режиссерского замысла. Если бы играла другая актриса, в главном получилась бы тот же результат, ну, плюс — минус какие-то специфически индивидуальные особенности. Все решила концепция.

— Так же ли, в основном, вы работаете над ролью, когда снимаетесь у других режиссеров?

— С другими режиссерами у меня не столь большой опыт. Я рада, что встретила с Петром Тодоровским в работе над «Военно-полевым романом». По моему, получился фильм очень светлый, сердечный по интонации.

В центре сюжета треугольник — муж, жена и женщина, к которой герой испытывает сложное, глубокое чувство. Он увидел ее в бедственном положении и хочет

помогать ей, быть с ней рядом любить ее. Мне выпала роль же ны, которая оказалась совершенно к подобной ситуации не готова. Ее мучат бесконечные сомнения, что же делать — она колеблется от «уйти из жизни» до «нет, надо бороться». Они с мужем продолжают любить друг друга, будут любить, но вот такое испытание на нее обрушилось... Жаль, что эта линия занимает в сценарии немного места — было бы интересно поподробнее вникнуть в этот характер, в эту ситуацию...

Еще я сыграла у Михаила Швейцера Даму, приятную во всех отношениях, в экранизации «Мертвых душ». Очень интересна была эта роль с точки зрения жанровой: нужно было играть человека на самом пределе эмоций.

— Расскажите, пожалуйста, о работе в театре. О Комиссаре в «Оптимистической трагедии»...

— Мы хотели отойти от традиций плакатного романтического спектакля, где люди возведены в символы, каждый выступает как воплощение какой-то идеи. Да, к такого рода зрелищу и стремился Вишневский, мечтавший о новом революционном театре. Но мы живем в иное время, сегодня нам интересны не символы, а живые люди. Мне и хотелось, чтобы на сцене был живой человек, конкретная женщина, со своими слабостями, с грузом привычек, оставшихся от другой, прежней жизни. Для меня самым важным было проследить, как из этого растерянного человека, воспитанного совсем иной жизнью, рождается руководитель, причем руководитель жесткий, ибо вопрос поставлен ребром: погибнуть или выжить... Беседовал А. ЛИПКОВ.